

— Убивать... людей?

Чуньшэн сглотнул. Липкий, расплзающийся во все стороны страх окончательно завладел его разумом, сжимая сердце в тисках.

Мальчик попятился на полшага, едва не сорвавшись на бег, чтобы поскорее скрыться за дверью, но в последний миг сумел совладать с собой. Таинственность и мощь Шилиу пугали, но в то же время заставляли кровь быстрее бежать по жилам, вызывая странный, болезненный восторг.

Чуньшэн интуитивно чувствовал: Шилиу не причинит ему настоящего вреда. Именно эта уверенность давала ему силы стоять на месте ради той мечты, что теплилась в его душе.

— Научиться убивать... — с трудом выговорил он. — В этом есть хоть какой-то прок?

Шилиу помолчал.

— Возможно, и нет.

— А?

— Убийство само по себе бесполезно. Оно обретает ценность лишь тогда, когда ты хочешь защитить нечто дорогое, оказавшееся в опасности. Или когда тот, кому ты предан, нуждается в том, чтобы кто-то умер.

Дрожащее пламя в груди Чуньшэна внезапно погасло. Возбуждение утихло, а вместе с ним ушел и страх.

Скудный жизненный опыт подсказывал ребёнку: у него нет ничего настолько ценного, что нужно было бы защищать ценой чужой жизни, и нет никого, кому бы он был предан до такой степени. Убийство для него действительно казалось чем-то лишним, лишённым смысла; он просто не мог представить, кого ему могло бы понадобиться лишить жизни.

Мальчик с опаской и в то же время с невольным восхищением взглянул на лежащий у ног клинок.

— Если я действительно захочу... как мне этому научиться? — спросил он напоследок.

Шилиу внимательно посмотрел на него.

— Я увезу тебя из Ляочжоу. Сменишь имя и фамилию. Будешь тренироваться по десять шичэней в день. Пока не добьешься успеха, тебе нельзя будет видеть посторонних или делать хоть шаг за пределы двора. Лет через десять, полагаю, из тебя выйдет толк.

Чуньшэн замер, не в силах вымолвить ни слова от ужаса. Он отступил на несколько шагов, споткнулся о порог и, резко развернувшись, бросился прочь к переднему двору, будто за ним гнались все демоны преисподней.

Шилиу безучастно проводил его взглядом. Лишь когда ребёнок скрылся, он негромко произнес:

— Выходи.

Из соседней пристройки, виновато потирая нос, вышел Цю Хуанянь.

Юноша заметил, как Чуньшэн украдкой пробирался к Шилиу, и поспешил следом, но разговор к тому времени уже начался. Цю Хуаняню следовало бы сразу вмешаться, извиниться и увести мальчишку, но тот как раз заговорил о том, что было у него на душе. Желание узнать, о чем грезит эта маленькая голова, заставило юношу помедлить.

И эта заминка привела к тому, что беседа унеслась в такие дебри, что найти подходящий момент для вмешательства стало попросту невозможно. Когда перепуганный мальчик бросился наутек, Цю Хуанянь едва успел спрятаться в соседней комнате, где еще не навесили двери. К счастью, Чуньшэн был в таком смятении, что ничего не заметил.

Впрочем, для человека с навыками Шилиу присутствие постороннего за стеной вряд ли было тайной.

Хозяин дома неловко взглянул на гостя:

— Ребенок еще неразумен, доставил вам хлопот, господин Шилиу.

— Пустое, — бесстрастно отозвался тот.

— В последнее время в доме было слишком много дел, вот я и упустил его из виду, — юноша кашлянул. — Теперь я знаю, что у него на уме, так что поговорю с детьми. Чуньшэн вас больше не побеспокоит.

Шилиу шагнул вперед, поднял свой короткий меч и, тщательно протерев сталь, убрал его в ножны.

— Если вам не жаль его, то мои слова вполне могут стать реальностью.

— О чем вы?

— В семье Ду уже есть Ду Юньсэ — человек великого ума и таланта к государственным делам. Его брат в учении и близко не стоит с ним. Если он пойдет по тому же пути, то будет лишь собирать крохи чужой мудрости и останется посредственностью. Почему бы не выбрать иную стезю? Если один брат преуспеет в науках, а другой — в воинском искусстве, вам же будет легче.

Цю Хуаняню показалось, что Шилиу говорит с ним как строгий и придирчивый старший родственник, хотя гостю не было и двадцати пяти — всего-то на шесть или семь лет старше самого юноши.

Он с улыбкой покачал головой:

— Это всё дела далекого будущего. Чуньшэн еще совсем мал, и пока есть выбор, зачем заставлять ребёнка страдать? Когда он вырастет и всё поймет, я не стану мешать ему, какой бы путь он ни избрал. Но если он захочет прожить спокойную и счастливую жизнь, я не стану его неволить.

— Ты... — Шилиу замялся, словно хотел что-то добавить, но промолчал. Помедлив, он внезапно протянул меч собеседнику.

Тот едва успел подхватить оружие. Меч длиной около полутора футов в лаконичных ножнах из акульей кожи оказался неожиданно тяжелым. Цю Хуанянь уже видел сегодня, как остра его сталь, сияющая подобно прозрачной воде.

— У этого клинка нет имени. Он рассекает и золото, и сталь. Оставь себе для защиты.

Тон Шилиу не допускал возражений.

Юноша невольно принялся рассматривать нежданный дар. Чем больше он вглядывался, тем отчетливее понимал: вещь необыкновенная.

— У такого сокровища — и нет имени?

Шилиу на мгновение замер и, опустив глаза, произнес:

— Теперь он твой. Ты и дай ему имя.

Цю Хуанянь задумался.

— Я не мастер давать имена оружию. Сегодня как раз Сяошу — Малая жара, а следом наступит самый знойный период года. Время, когда всё живое пышно растёт, а жара яростна, как огонь. Это хорошее предзнаменование. Пусть зовется Мечом Фушу — Усмиряющим жару. Как вы на это смотрите?

Шилиу кивнул:

— Как пожелаешь.

Вернувшись в главный дом, Цю Хуанянь припрятал Меч Фушу и достал из кухни две чаши пшеничной муки, решив напечь цзяоцзы.

На юге в день Сяошу принято следовать обычаю «вкусать новое»: свежесобранный рис приносят в жертву богам Пяти злаков и предкам, а после едят сами. На севере урожай созревает не так быстро, к новому рису не успеть, но во многих местах в этот день принято лепить цзяоцзы.

Пельмени пробуждают аппетит, а их форма, напоминающая слитки серебра — юаньбао, сулит богатство и процветание. В летний зной, когда еда не лезет в горло, порция горячих цзяоцзы — лучшее утешение для желудка.

Юноше было лень ехать в город за мясом, поэтому он нарезал в огороде охалку нежного чесночного лука, смешал его с обжаренными яйцами и мелкими речными креветками, принесенными Юньканом. Золотистое яйцо и ярко-зеленый лук — даже просто глядя на эту начинку, можно было проголодаться.

Увидев, что братец Хуа затеял готовку, Цзюцзю отложила шитье, вымыла руки и пришла на помощь. Она была мастерицей на все руки: стоило Цю Хуаняню разок показать, как она тут же принялась лепить аккуратные, пухлые «слитки».

— Братец Хуа, — спросила она, не отрываясь от дела, — Чуньшэн засел в восточном флигеле и носа не кажет. Что с ним стряслось?

Казалось, мальчик уже перестал вредничать, и вот — опять.

Юноша усмехнулся:

— Он украдкой бегал к Шилиу, и тот его немного припугнул. Ничего серьезного.

Цзюцзю прикусила губу:

— Братец Хуа же ясно сказал не беспокоить дядю Шилиу! И как он только посмел!

В ее голосе слышалось раздражение, но в глазах затаилась неподдельная тревога. Девочка была не по годам проницательна. Глядя на почтение братьев и странные повадки гостя, она давно поняла, что Шилиу — человек непростой. Она злилась на брата за непослушание, но втайне боялась, как бы он не накликнул на себя беду.

Цю Хуанянь, испачкав палец в муке, шутливо коснулся кончика носа девочки, оставив на нем белое пятно. Цзюцзю принялась стирать его тыльной стороной ладони, и тень взрослой заботы мигом исчезла с ее лица.

— Детям нельзя часто хмуриться, — улыбнулся юноша. — От морщинок никакие цветы в волосах не спасут.

Цзюцзю надула щеки и тяжело вздохнула:

— И когда только Чуньшэн повзрослеет?

— Слышала бы ты себя, — рассмеялся Цю Хуанянь. — Сама-то будто уже взрослая.

— Мне тоже хочется поскорее вырасти. Тогда я смогу отправиться в дальние края.

— И куда же ты хочешь, Цзюцзю?

Она покачала головой:

— Пока не знаю. Просто не хочу всё время сидеть на одном месте. Хочу увидеть столицу, южные земли, побывать там, где еще не была, встретить новых людей.

Юноша уловил в ее словах нотку одиночества. Он вдруг осознал, что Цуньлань — подруга девочки — уже несколько дней не заходила в гости. Вэй Люхуа и Ю-гээр теперь тоже не могли навещать их, Юнькан не подходил по возрасту и полу, а Чуньшэн замкнулся в своих обидах. Неудивительно, что Цзюцзю, целыми днями просиживая за книгами и вышивкой, приуныла.

— Цзюцзю, а почему ты не сходишь к Цуньлань? — осторожно спросил он. — Брат ведь недавно купил тебе новые узоры для вышивки. Сходила бы, показала подруге, глядишь, и вышили бы что-нибудь вместе.

Девочка покачала головой:

— Схожу как-нибудь потом. Нехорошо частить.

— Да что случилось-то? — Цю Хуанянь не понимал, в чем дело. Отношения с семьей Главы клана всегда были добрыми.

— Братец Хуа и так по горло в делах, не стоит забивать голову такими пустяками. Правда, всё в порядке, я сама разберусь.

Раз Цзюцзю не хотела говорить, настаивать было бесполезно. Юноша решил сперва долепить пельмени, а уж после найти случай и всё разузнать.

На следующий день, после сытного ужина из цзяоцзы, Цю Хуанянь решил, что пора приниматься за дело — испытать биофермент на хлопковом поле.

Поскольку это был первый опыт, он не мог остаться в стороне. К счастью, опрыскивание лучше всего проводить в пятом-шестом часу пополудни, когда солнце уже не так нещадно палит.

Они с Ду Юньсэ погрузили на повозку чан с разведенным раствором и несколько опрыскивателей. Услышав шум, на окраину поля потянулись любопытные односельчане.

Когда семья Ду только затеяла это дело — сменила все сухие поля на заливные и засадила их хлопком, — мало кто верил в успех. Острые на язык соседи и вовсе судачили за спинами. Но шли месяцы, хлопок в поле юноши рос крепким и ровным, уже показались первые цветы, и настроения в деревне стали меняться. Многие уже порешили про себя: если в этом году у Ду Юньсэ и двух других семей выйдет толк, на будущий год надо будет прийти к братцу Хуа на поклон.

Поэтому, едва разнесся слух, что Цю Хуанянь что-то затеял, все, кто имел виды на урожай, побросали дела и прибежали разузнать подробности.

— Что это за большие деревянные ящики они сгружают? И зачем к ним приделаны свиные кишки?

Ху Цюянь тоже стояла в толпе. Если у юноши сегодня всё получится, их поля и поля Главы клана будут следующими. Хлопковая совка уже начала плодиться; если не принять меры сейчас, гусеницы доберутся до коробочек — и тогда пиши пропало.

— Это Хуанянь придумал такую штуку, чтобы воду разбрызгивать, — объясняла Тётушка Цюянь соседям. — Говорит, так получается ровнее, чем рукой. И вода у него не простая — после неё совка хлопок и за версту обходить будет.

О хлопковой совке знал каждый крестьянин — этот вредитель не брезговал ни кукурузой, ни овощами. Услышав слова женщины, люди первым делом недоверчиво зашущукались. Но Ху

Цюянь не стала спорить: скоро сами всё увидят.

Хотя Цю Хуанянь и верил в успех, на душе у него было беспокойно. Одолеть вредителей — значит, открыть путь к богатому урожаю. Тётушка Цюянь уже прикидывала: если собрать по сто восемьдесят цзиней с му и продать хотя бы по сто шестьдесят вэней за цзинь, одно поле принесет почти тридцать лянов серебра! Их семья столько и за несколько лет на торговле рыбой не выручит!

Она с жадным интересом смотрела на тяжелые баки. Юноша обещал дать опрыскиватели напрокат бесплатно, нужно было только вовремя менять лопающиеся свиные кишки. Денег он не брал, и Ху Цюянь чувствовала себя неловко — они и так получили от него слишком много. К сожалению, в их доме не было дорогих вещей, а сама она не обладала мастерством Вэй Люхуа. Кроме рыбы да креветок, отплатить было нечем.

В нескольких метрах от них Цю Хуанянь руководил Ду Юньсэ и нанятыми работниками, налаживая устройство. Здоровье его еще не до конца окрепло, поэтому Юньсэ наотрез запретил ему работать самому — позволял только командовать.

Глядя на хрупкую фигуру юноши, Ху Цюянь вдруг вспомнила об одном деле. Ее дальние родственники жили на севере Ляочжоу и промышляли сбором женьшеня. Чтобы корень набрал силу для лекарства, ему нужно расти лет тридцать, найти его непросто. Но семена женьшеня собирают каждый год, и они тоже обладают великой силой — укрепляют дух и восполняют энергию. Ху Цюянь решила позже спросить у Цю Хуаняня, не нужны ли ему семена женьшеня. Если да, она могла бы свести его с родней и помочь купить лучший товар.

Разведенный биофермент залили в бак. Работник взял наконечник и, следуя указаниям Цю Хуаняня, начал мерно нажимать на педаль. Вода побежала по трубкам и через несколько секунд вырвалась из сопла, рассыпаясь мелким дождем над хлопковыми кустами.

Толпа невольно ахнула. Юноша тоже втайне выдохнул: одно дело пробовать дома, и совсем другое — в поле. Он прикрыл ладонью глаза от заходящего солнца, стараясь рассмотреть, ровно ли ложится влага, как вдруг почувствовал, что над ним сомкнулась прохладная тень.

Он обернулся: позади стоял Шилиу, держа над ним раскрытый бумажный зонт так, чтобы укрыть его от лучей.

Цю Хуанянь на мгновение опешил.

— Спасибо.

Шилиу с привычно холодным лицом коротко кивнул.

Юноше вдруг подумалось, что гость вовсе не такой пугающий, каким кажется. Он даже немного напоминал тех персонажей с типажом «три нет», популярных в историях из его прошлой жизни. В большинстве случаев ни слова, ни эмоции на лице, но иногда за этой броней проскальзывало нечто человеческое, в чем собеседник сам никогда не признался бы из упрямства.

Цю Хуанянь едва сдержал улыбку, боясь, что Шилиу заметит его странные мысли.

За их недолгим общением пристально наблюдали из толпы.

Госпожа Чжао, несколько дней просидевшая дома после позора в префектуре, наконец-то пришла в себя и теперь пряталась за спинами соседей. Увидев рядом с юношей незнакомого гээр, она не удержалась и спросила:

— А это еще кто такой? Тот, что с зонтом?

Люди впереди, увлеченные зрелищем в поле, даже не обернулись.

— Да это гость Хуаняня, говорят, старый друг Юньсэ. Живет у них уже несколько дней.

«Друг? Гээр? И живет в доме уже несколько дней?»

Сердце госпожи Чжао пропустило удар. Она прищурилась, пытаясь рассмотреть лицо незнакомца, но против солнца было плохо видно — ясно было лишь то, что он молод и явно не дурен собой.

Она поджала губы, глядя на Цю Хуаняня, который стоял тут как важный барин. В её отравленном завистью и злобой сердце мгновенно созрел коварный план.

<http://bllate.org/book/15363/1416530>